

Коноша.
О прошлом память сохраняя...

Время. События. Люди. 1896–2019 гг.

Книга первая

С.А. Маурин

ШЁЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ 18-Й ГОД...

Саломатин Николай Александрович

Жестокая война с фашизмом длилась уже несколько месяцев, страна двигалась на Запад и Восток, одни шли в пекло боев, другие спасали от захватчиков людей и имущество. Так, перегоняя с отцом стадо коров, до сотни голов, со станции Повенец Карело-Финской ССР в посёлок Ерцево, попал в наш район Саломатин Николай Александрович 1926 года рождения, ныне доктор экономических наук, профессор государственного Университета Управления (ГУУ) в г. Москве.

Путь, длиной более 500 километров, в ноябре 1941 года стадо проделало без потерь под девизом: «Молоко – людям, сено – коровам». Отец Николая Александровича, ветеринарный врач, стал начальником конного парка в п. Ерцево. В 1942 году, будучи школьником, Николай работал под Архангельском на лесосплаве. Мысли молодого человека были на фронте, для полной отдачи сил Победе.

Наконец, в ноябре 1943 года, юноша получил повестку и был призван Коношским райвоенкоматом в армию. Мечта сбылась,

и 480-й зенитно-артиллерийский дивизион получил юного наводчика.

Задача дивизиона по охране неба над караванами судов из Англии и Америки решалась в устье Северной Двины в порту Экономия. Наводчик Саломатин, выпуская из 85-ти миллиметровой зенитной пушки 50-ти килограммовых снарядов в час и через четверчаса падал, чтобы через четыре часа снова стрелять по самолетам противника, так и продолжалось с ноября 1943г. по май 1944г. Парни выдерживали эту нагрузку в течение всей борьбы с вражескими нападками.

Война катилась на Запад и дивизион перебросили в мае 1944 года на 1-й Белорусский фронт под городом Речица Гомельской области, для защиты от авианалетов переправ через реку Днепр. Там, в день рождения, 11 мая 1944 года, Николай получил звание ефрейтора, стал командиром зенитного 85-мм орудия (орудийный расчет – 6 человек), принял первую боевую награду – медаль «За боевые заслуги». А позже – орден Отечественной Войны II степени за операцию «Багратион». Дальше было много наград и званий.

На кладбище в Ерцево нашла свой приют мать ветерана. Его сестры и отец разъехались по разным областям Советского Союза.

Посещая свою фронтовую Родину, защитник Отечества тепло вспоминает те годы в Коношском районе и людей, которые шли на фронт, не щадя жизни, выполнили главную задачу: разгромили мировой фашизм.

И сейчас ветеран войны, доктор наук продолжает преподавать в академии.

По общественной линии он возглавляет Совет ветеранов и проповедует линию воспитания защитников Отечества.

Всегда удивляюсь, как люди военного лихолетия находят даже в преклонном возрасте столько здоровья и энергии, чтобы передать более молодым эту любовь к жизни и азарт творчества для добрых творений на благо всех живущих на земле людей.

*С уважением, Сергей Маурин.
г. Москва. 11 февраля 2013 года.*

НАДЕЖДА МАЛАЕВА:
«ПРО ВОЙНУ НЕ РАССКАЖЕШЬ...»

Май 2012 года был для меня особенным. Шестьдесят седьмую годовщину Победы в Великой Отечественной войне я встретила на белгородской земле, где каждая пядь земли полита кровью и потом наших солдат. Кажется, что земля Огненной дуги до сих пор помнит стоны и крики, грохот орудий. Десятки братских могил, тысячи погибших. Здесь, как нигде, чувствуешь эту трагедию, и величие нашей победы. В городе первого салюта хочется преклониться перед всеми погибшими и еще немногими живыми, чья судьба оказалась сильнее огня и всех трудностей этих непростых послевоенных лет.

Надежда Семеновна Малаева. 2015 год

Этот день Победы был еще и удивительным. И не потому, что я была свидетелем очень торжественных мероприятий в городе, в том числе и захватывающего салюта, но удивительным этот день Победы стал потому, что на белгородской земле я встретила землячку – простую, скромную женщину-победителя – Малаеву Надежду Семеновну. О ней мой рассказ.

«Я этого рыжего солдатика помню
до сих пор»

Родилась Надежда Чинилова 21 сентября 1924 года в г. Торопец Калининской области. После семи классов поступила в медучилище. Проучившись несколько месяцев, в октябре 1943 года ушла на фронт. «Да, я была военнообязанная, поэтому выбирать и раздумывать было некогда», – говорит Надежда Семеновна. Война – это труд, и чтобы победить, каждый должен был делать все возможное и невозможное: будь то поле боя или колхозное поле. Фронт делился условно: передовая была везде, ведь армии требовались и орудия, и патроны и продовольствие. Имея навыки медсестры, Надежда оказалась на передовой в составе 124 артполка, 52 дивизии 7 батареи. Под Ленинградом шли ожесточенные бои. От перевязок в бою сама оказывалась вся в крови. Помнит, как мешал ей рукав гимнастерки, пропитанный кровью, который намертво присыхал к руке, сковывал движения. И в любую свободную минуту искала лужицу воды, чтоб вымыть руку. Вода становилась красной. Доучиваться приходилось, как говорится на ходу, вернее по ходу боя. Помнит, как в перерыве между боями, военный хирург собрал их, несколько молоденьких медсестер в медчасти – а это была палатка, развернутая в поле, и говорит: принесите солдата. Принесли убитого молодого рыжеволосого солдатика и положили на стол. Хирург обращается к ней: бери нож и режь. «У меня все внутри похолодело; я даже задрожала. Покойников с детства боюсь. Но переборов страх, подошла и режу вдоль. А солдатик еще не остыл, нож идет легко. Разрезала, потом хирург занятие проводил. Так этот солдат мне все долгое время снился. А однажды приснился и говорит: «Да не думай ты обо мне, ведь так надо было». И после этого я его во сне не видела. Но помню его всегда.

Видя вокруг смерть, когда умирают молодые, не видевшие жизни, еще не полюбившие, полные надежд молодые люди, никогда не поверю, что к этому можно привыкнуть. К этому невозможно привыкнуть, но чтоб выполнять свою работу приходилось эту боль загонять внутрь себя. Раненые, убитые шли таким потоком, что на стра-

дания не хватало сил, дай бог, чтоб хватило сил физических. На войне каждый день нужно было преодолевать себя», — заключает Надежда Семеновна.

Был в Берлине такой случай...

Надежда Семеновна дошла до Берлина, до самих Бранденбургских ворот, где оставила свою подпись.

В 1986 году я тоже стояла у этих ворот в качестве туриста. Какие разные у нас дороги...

Она также была свидетелем наступления танковых войск на Берлин. Ночью, с установленными мощными прожекторами наши Т-34 вошли в Берлин. Сколь было захватывающим зрелище для наших воинов, столь шокирующим для немцев.

Конечно, видела легендарного маршала Советского Союза, четырежды Героя России — Г.К. Жукова.

«В Берлине, говорит ветеран, — шли очень ожесточенные бои. Это была агония фашизма. Была весна, цвела уцелевшая кое-где сирень, и победа была так близка, тем нелепее и ужаснее была смерть наших воинов». Но про один случай она рассказала с особым волнением.

«Однажды, в перерыве между боями я увидела молоденького бойца, он сидел на краю небольшой воронки и что-то писал. Присев рядом и поинтересовавшись, что он пишет — ответил: письмо любимой девушке. Закончив писать, он стал мне рассказывать про то, что он ее очень любит, скоро приедет и мечтал, как они будут жить вместе. Я его слушала, в этот весенний день и радовалась его предстоящему счастью. Мы были молоды, нам было по 18 лет, впереди у нас была целая жизнь. Вдруг меня оглушил взрыв снаряда. Когда дым рассеялся и все стихло, я поняла, что мы упали в воронку. Попыталась выбраться из нее. Солдат не шевелился. Он был убит снарядом в спину. Так получилось, что он спас меня, упав в воронку на секунду позже и закрыл меня своим телом. Я взяла его письмо, написанное за минуту до смерти и отправила его девушке. Потом незнакомка долго писала мне и просила рассказать о нем как можно больше. А что я могла рассказать ей, если даже имени солдата я не знала? Вот такая жестокая

вещь — эта война», — говорит мне Надежда Семеновна и умолкает, видя на моих глазах слезы. Сколько раз Малаева была на волосок от смерти?

«Однажды, — продолжает ветеран — меня чуть не пристрелил немец, фактически в упор. Это было в Прибалтике летом. Мне сообщили, что на наблюдательном пункте ранен связист. Пункт находился в небольшом домике. Я пошла туда, перевязала раненого, и солдат повел его в рощу, где находилась наша рота. Я тоже пошла в медсанчасть. Вдруг вижу, за ними идет немец, и не только идет, но и стреляет в их сторону. Я выхватила пистолет, но раздался выстрел и сразу следующий. Оказалось, что сзади меня был второй фашист и целился в меня. Его убил командир, который вовремя заметил немца, а того, которого хотела убить я — убил солдат, который вел раненого. События разворачивались мгновенно, в какие-то секунды. Потом выяснилось, что эти два немца спрятались в картофельной яме и без боя умирать не хотели. Вот такая история» — заканчивает Малаева.

Сколько трагических судеб было в эти три года! Погибали молодые, полные сил и надежд. Помнит, как в последние дни войны погиб молодой солдатик — чей-то сын, внук. В Берлине группа солдат обходила дома, зачищала от укрывшихся немцев. В городе было уже тихо, только слышны были одиночные выстрелы. И вдруг — выстрел, и молодой солдатик упал. Оказалось, что старый немец, обосновавшись на чердаке своего дома, отстреливал советских воинов. Старика немца наши солдаты выгнали во двор, и во дворе заставили рыть себе могилу. Потом застрелили и закопали. Старуха — жена плакала и просила разрешения перезахоронить мужа. Старший в группе, уходя, сказал — «теперь делайте, что хотите».

«Вот такая жестокая правда войны», — говорит мне Надежда Семеновна.

О войне я помню каждый день...

Надежда Семеновна на фронте дважды была ранена. Вспоминает, что однажды, сбившись с пути, водитель военной попутки, где она была пассажиром, поехал по минному полю. Мина разорвалась. Кого-то убило, кто-то отделался царапинами. Ее же от удара отбросило в сторону и она повреди-

ла ногу. Нога была как бревно, черного цвета. Идти она не могла, и ее отправили в санчасть. «Но находиться в санчасти я не могла, поскольку мои однополчане ушли вперед, и если бы я осталась, то меня перевели бы в другую часть. Я не хотела терять друзей» — говорит Малаева. В медсанчасти она находилась еще с одной медсестрой, тоже с ранением. Они решили бежать в свои части. Но как убежишь, если документов нет, да и медсанчасть охраняется. Задумали постирушку. Специально повесили белье, а охраннику-солдату сказали, что пока белье сохнет, пойдем прогуляемся. В тумбочке нашли документы на себя. Вспоминает, как шла до тумбочки, которая в конце палатки: «Туда дошла, а обратно — не могу, добралась на четвереньках. За санчасть вышли кое-как, увидели машину, которая везет снаряды, договорились с водителем, с трудом залезли в кузов, зацепились за ящики, лежим на них и едем. Высадили нас в поле. Есть хотим. Зашли в какую-то деревню, а это было в Латвии. У меня мама-латышка, и она мне все время говорила — учи язык. Но мне это было не надо, я говорю ей, не пригодится. А тут как говорится, жизнь заставила, вспомнила я какие-то слова — и вот принесли нам картошку, молоко, хлеб. Наелись и разошлись. Подруга пошла в одну сторону, а я в другую. Я ее больше и не видела. Жива ли осталась? Мне надо было идти по вспаханному полю. Идти не могла, ползла на четвереньках, лежала, стоять тоже не могла. Так и добралась до части. Командир увидел и спрашивает, ну что — вылечилась? Так точно, — отвечаю, а сама стоять не могу. Он видит, что я падаю без сознания, и говорит, иди долечиваться. Вот так я и осталась со своими. А нога вот уже 67 лет болит. Она и напоминает мне о войне каждый день».

Дороги войны

Спрашиваю у Надежды Семеновны: — «Где Вы жили на передовой?» «Понятие «жили» — это из мирной жизни. Скорее — «находились», — говорит ветеран.

«Находились в землянках, в палатках, в негоревших домах, под открытым небом, где приходилось. Помню, было в землянке нас 90 человек, 11 девушек — остальные солдаты — юные, зрелого возраста. К нам

относились снисходительно, мол, что с них взять, девчонки. Но требования были одинаковые: что к мужчинам, так и к нам. Спали мы на верхних нарах, в одежде. Тревогу могли объявить в любой момент. Но мы были молодыми, и военную службу, даже войну в силу своего возраста, иногда воспринимали как приключение. Мало думали о смерти. Даже в таких условиях пытались шутить. Слезая с верхних «этажей» как бы ненароком наступали солдату на спину, не думая, что это было больно, поскольку мы были легкими, маленькими. Но это забавляло только нас. Солдатам казалась веселая на наш взгляд шутка, вроде бы обидной. «Когда от нас их заберут», — негодовали служивые. Но мы только смеялись. А ночью обязательно валенки перепутывали, в строй вставать, попробуй за 5 минут свои отыскать. Так иные стали на веревочку пару завязывать.

А однажды объявили тревогу, строимся, я выбежала, а рукавицы — в землянке. Стою, мерзну, дело зимой было. Вот мне наряд вне очереди и объявили. Отправили на кухню — а я довольная, хоть поем, не спеша», — говорит Надежда Семеновна. «А как кормили на фронте?» — спрашиваю я собеседницу. «Кормили по-разному. Когда все нормально — то первое и второе. Медсестра обязана была попробовать, а потом только солдат кормили. Повар без пробы ни за что кормить не будет. Порядок был — заключает Малаева, — времени свободного мало. Если бой не шел — учения, свое личное оружие в порядок приводим, письма пишем. До сих пор номер винтовки помню 7486. А однажды на учениях — задача была поставлена — проползти определенный участок, и я потеряла юбку — говорит Надежда Семеновна. — Но не ту которая на мне, а вторая — я ее постирала и к вещмешку привязала, чтобы та сохла. Ползу я по полю, вещмешок со мной. А когда в землянку вернулась, глядь, а юбки-то нету. Прошу у командира разрешение юбку найти. Долго искала и на поле, и в кустах. А нашла...на немце. Он убитый в кустах лежал, когда я ползла, под снегом, я еще подумала, что бревно, и за его ногу юбка и зацепилась. Нашла и довольная пришла в землянку — вот такая история».

«Конечно, — продолжает Малаева, — нам девушкам, на войне было особенно трудно. Вдоволь не было нечего: ни сна, ни отдыха, ни еды, ни воды. Бывало только приляжешь, — тревога. Соскакиваешь, и в бой. Часто случалось, что удастся выстирать белье, сушишь, одевши на себя. Крикнут: — Тревога! Бежишь в сыром на передовую, а время — зима, мороз жуткий. Мыться — воды тоже норма — ведро. Хоть мойся, хоть стирай. Мыться приспособивались везде — палатка, сарай какой-то, летом — просто на улице. Нам, женщинам, приходилось как-то ухитряться. А это было не просто. А мне еще как медсестре надо было успеть, пока солдат моется — одежду пропарить, от вшей избавиться, которых в окопах приобрести можно было без труда. Так для этого бочки приспособивали металлические. Клади кирпичи, а на них — типа решетки или круг с дырками. Вода кипела — пар шел, тридцать минут процедура занимала. Бывало солдат уже и вымоется, а обмундирование еще «жарится». Он чтобы не замерзнуть, крутами около бочки, прикрывшись, бегаёт. Оденет все влажное на себя — и в бой. Вот такие условия были. Многие мечтали о мирной жизни да, о баньке», — заключает мой собеседник.

Три года на передовой

«Про войну не расскажешь, — говорит Надежда Семеновна. — Три года на передовой — в самом пекле. За эти три года ты проживаешь целую жизнь, если остаешься жив». Ветеран замолкает и вдруг тихонько, как будто только для себя, тихонько запела:

*«Вот кончился бой, земля покраснела,
Врага мы прогнали к Великой реке.
Остался лишь труп один на дороге
И держит он знамя в застывшей руке...»*

Это песня из прошлого. Но не просто песня. Река Великая — это реальная река в Псковской области. И ее пришлось Надежде Семеновне форсировать во время боя. Сколько было еще рек, — больших и маленьких? Она уже и не помнит. Я держу в руках красноармейскую книжку ефрейтора Чиниловой. Короткие записи говорят о подвиге девушки: участвовала в боях за освобождение Калининской области, Ленинградской, Латвийской ССР, Эстонской

ССР. Участвовала при прорыве немецкой обороны на реке Висла, реке Одер, в боях на подступах к Берлину с 14 апреля 1945. Имеет медали «За боевые заслуги», медаль «За отвагу», орден Отечественной войны II степени и другие, всего около 20 боевых наград.

Не раз смотрела фронтовая медсестра смерти в лицо. «Спасал случай», — говорит Надежда Семеновна. Кто был ее ангелом — хранителем? — думала я. Когда можешь погибнуть в любую минуту, начинаешь верить во многие вещи.

Скажу о таком факте. В августе 1943 года пришла похоронка, героически погиб под Ленинградом на станции Мга, сражавшийся с начала войны отец Нади — Чинилов Семен Михайлович. А в октябре 1943 и Надя ушла на фронт. Как и отец, тоже три года воевала, освобождала Ленинградскую область от фашистов, где погиб отец. Мать Марфа Григорьевна, проводив мужа и дочь на фронт, от зари до зари работала в колхозе. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Сколько ночей простояла в молитвах Марфа Григорьевна, чтоб ее родные возвратились домой?

Судьба улыбнулась только Наде. «Это молитва матери и память об отце хранили меня на передовой», — говорит мне восьмидесяти-восьмилетний ветеран, и я верю ей.

Вернулась домой только в ноябре 1945 года, после войны в Берлине их хотели отправить на Дальний восток, где шли бои с японской армией. Но прожив три дня в вагоне, отправили по домам. Домой приехала поздно вечером. Ее встречала мать. Только приехала, сразу прибежали подружки, стали звать в клуб. Не пошла. Но когда пришел молодой красивый гармонист — не смогла отказаться. Так и началась мирная жизнь. Надежда выучилась на дежурного по станции, ее трудовой стаж — 46 лет, из них 35 лет на железной дороге в п.Ерцево Архангельской области. В 1960 году Надежда Семеновна вышла замуж за Малаева Александра Константиновича, с которым прожили больше 40 лет. В 2003 году супруг умер. В последнее время Малаева Н.С. живет в поселке Разумное Белгородской области.

Пора прощаться. На прощание Надежда Семеновна вспоминает еще одну песню, очень старинную.

*«Ворон, ворон, что ты сделал,
убил брата моего.
А сестра-злодейка пуля не щадит ведь
никого.»*

*Под Варшавой есть такое место,
где кипел кровавый бой,
Бой кровавый, пир богатый будем
помнить целый век...»*

Сколько лет этой песне: 100, 200, 300, а может больше? Ведь войны шли всегда...

Среди наград Надежды Семеновны — особая медаль — «За освобождение Варшавы». «Песня и история не делимы, — говорит ветеран, — мне пришлось воевать в 1945 году в Польше в тех местах, где воевал мой отец во время Первой мировой войны 1914—1918 годы. Вот такая история», — заключает Надежда Семеновна.

Я шла по тихой весенней улице, где когда-то шли кровавые бои. Цвели каштаны и акция, точно так же как и 67 лет назад. И думала, что сделать нам живущим и еще не родившимся, что бы сохранить в памяти подвиг советского народа.

И сделала такой вывод: у песен про войну нет срока давности. Я восхищаюсь подвигом восемнадцатилетней Нади Чиниловой, я сегодня низко кланяюсь, убеленной сединами восьмидесяти-восьмилетней Надежде Семеновне Малаевой, — и хочу сказать ей, что у подвига и памяти тоже не должно быть срока давности. Но это зависит только от нас...

2012 год

Н.П. Артемова

НАДЕЖДА МАЛАЕВА: «В ВОЙНУ Я БЫЛА НА ПЕРЕДОВОЙ...»

В очередной раз, когда я пришла проводить ветерана, за чаем Надежда Семеновна, не особо охотно рассказывающая о войне, стала делиться своими воспоминаниями.

«В войну я была на передовой, — начинает рассказ Надежда Семеновна. — Такое видела, что словами не расскажешь».

Надежде было 18 лет, когда она оказалась на фронте. Что видела, что чувствовала эта хрупкая девушка? «Война — это работа, — продолжает Малаева. — Не все знают, что за этот тяжелый труд на фронте платили зарплату. Она была небольшой, но начислялась своевременно, часть денег военнослужащие пересылали в фонд Обороны, часть — родственникам, находившимся в тылу». Надежда была милой, красивой девушкой. О романах на войне мы не раз читали в книгах, смотрели в кино. «Неужели никто не нравился?» — спрашиваю собеседницу. «На передовой романы «крутить» было некогда: бои, отступления, наступления, атаки, работа с ранеными в полевых условиях — не до любви было», — заключает Надежда Семеновна. И продолжает: «Конечно, я была молодая, нравился мне один капитан, но никаких отношений у нас не было». «А почему?» — спрашиваю собеседницу. «Да убили его вскоре», — вздыхает она. Помнит, как ухаживал за ней молодой лейтенантик, на гармошке хорошо играл и пел. «Тоже убит, — говорит Малаева, — веселый парень был».

«Страшно было на войне?» — спрашиваю ветерана. «Боялась не смерти», — говорит Надежда Семеновна. «А чего?» «Страшно боялась, что лицо изуродует, а сама жива останусь. Идет бой, ползу по полю за раненым, а сама от разрывов снарядов рукой лицо закрываю и думаю: пусть внизу рванет, только не лицо».

Внизу и рвануло. Однажды ошибся водитель и поехал на своей «полуторке» по минному полю. Тогда ее и ранило. До сих пор нога синяя, а сколько лет уже прошло! «Зато лицо не повредило», — улыбается Надежда Семеновна. Надо сказать, что чувство юмора никогда не покидает ее.

Не раз и не два была на волоске от смерти, когда немцы стреляли практически в упор, взрывом накрывало не раз. А однажды пролетающий над чистым полем немецкий самолет чуть ей на голову ящик с боеприпасами не выбросил. «Еле успела в сторону отбежать, как снаряды взрываться начали», — вспоминает Малаева.

Войну Надежда Семеновна закончила в Берлине. Отгремел победный салют, и тем страшнее была гибель советских солдат уже в мирное время. То случайная пуля найдет —

перестрелки еще вспыхивали то тут, то там. Помнит и нелепые случаи смерти. Один капитан всю войну прошел, а в Берлине на трофейном мотоцикле разбился. После Дня Победы она еще полгода находилась в городе — ждала отправки на Дальний Восток для участия в войне с Японией. Но в ноябре 1945 года ее демобилизовали.

То, что видела в Берлине, не забудет до самой смерти.

Надя Чинилова (Малаева) в возрасте 21 год в Берлине. Ноябрь 1945 года

Ещё на подступах к городу советские воины освободили узников концлагеря. «Название концлагеря не помню, — говорит ветеран, — много их было на нашем пути». Газовая камера стояла на холме — небольшое здание из красного кирпича. В концлагере он был известен как «баня». Отправляясь в газовую камеру, люди были уверены, что действительно их ведут помыться. В здании было несколько помещений. Люди заходили партиями по 8-10 человек и раздевались. В середине помещения была устроена на полу движущаяся лента. Встав на эту ленту, люди проваливались в топку. Эта лента напоминала о том ужасе, который недавно творился фашистами. Рядом с крематорием две кучи белого «песка», по полтора-два метра высотой. «Что это?» — спросила Надежда у солдата, который охранял объект. «Это человеческая зола», — ответил солдат. «Я и сейчас вздрагиваю и просыпаюсь но-

чью, когда вижу это все во сне», — говорит Малаева.

«И еще одна картина стоит у меня перед глазами, — продолжает ветеран. — В одном из домов наши солдаты в подвале обнаружили двухъярусные нары, на которых находились дети, лет по 5-10. Около десятка. Ухаживала за ними пожилая немка. Когда детей вывели на улицу, даже бывалые солдаты не могли сдержать слез. Это были скелеты, обтянутые прозрачно-сероватой кожей». Надежду Семеновну поразили их взгляды. Совершенно отрешенный, безучастный. Ни тревоги, ни радости. Оказывается, это были дети-доноры.

Немцы выкачивали из них кровь, которая все больше и больше требовалась на фронте. Одни умирали, из захваченных стран поставляли других. «Этот конвейер смерти остановили советские солдаты», — говорит собеседница.

«А в другой подвал меня просто не пустили, — говорит Малаева. — Капитан мне сказал, иди, Надежда, в часть, ты не должна это видеть. Я шла в часть и думала, что на войне, на передовой, на захваченных территориях я видела многое. О том, что было в подвале в части говорили шепотом, не веря увиденному. На нарах лежали еще живые дети. С их тел были местами снята кожа. На сумочки, портмоне, на диваны. Фашисты не раз хвастались такими сувенирами».

Слушая Надежду Семеновну, подумала о сегодняшних бритоголовых молодчиках, которые кучкуются под знаменами с немецкой свастикой. Посмотреть бы тем детям ново-явленным фашистам в глаза.

«А был ли в вашей части штрафной батальон?» — спрашиваю у Малаевой. О штрафных батальонах принято было не говорить. Уголовники, бандиты, политические, иными словами, «пушечное мясо» — их значение и роль в Великой Отечественной войне еще недостаточно отражена. «Вы лучше лес рубите на гробы — в прорыв идут штрафные батальоны», — вспомнила слова В. Высоцкого.

«Однажды наша часть стояла в поле. Слышу, из гумна, что неподалеку, раздается музыка. Кто-то играет на гитаре, — вспоминает Малаева. — Гармонь у нас в части была,

и гармонист был, пока его не убило. А вот гитару я не слышала — у нас в деревне, где я жила, гитаристов не было. Заинтересовалась, подхожу к гумну. А там солдат полно. Увидели меня, давай наперебой приглашать в помещение. Но, видя, что меня интересует музыка, оставили в покое. На гитаре играл высокий, чернобровый, красивый парень. Песни, которые он пел, я никогда не слышала. У нас в части в основном русские народные, патриотические, а тут про жизнь в лагерях. Даже запомнила песню «Бродяга я». Послушала я и собралась уходить. А гитарист встал меня проводить и говорит: «Сегодня ночью будем высоту брать. Жив останусь — напишу тебе». Я адрес части дала. Да только письма не дождалась. Ночью они высоту взяли. Но живых никого не осталось. Это я потом узнала о штрафном батальоне, когда мой командир мне замечание сделал и впредь ходить туда запретил.

А утром артобстрел и атака. В наступление мы шли. А гитариста-штрафника до сих пор помню».

За военный подвиг Надежда Семеновна награждена боевыми и памятными наградами. Их у нее более двадцати. Показывая награды по моей просьбе и держа в руках пиджак, на котором они были закреплены, сокрушается: «Как такую тяжесть носить? Не ношу, да и правильно делаю». Не из-за «тяжести», конечно, не одевает Малаева костюм с наградами, а из-за скромности.

«А недавно был такой случай, — рассказывает ветеран. — Стою я в сберкассе, заведующая Лариса Ивановна знает меня как участницу войны и приглашает за пенсией. Очередь возмущается, мол, «мы стоим, и ты, бабка, стой». Особенно молодая дама разволновалась. Пришлось сказать, что я ветеран, участник войны. А та в ответ: «Неправда, все ветераны умерли».

Ничего не сказала в ответ Надежда Семеновна, так и ушла из банка.

Рассказывая об участии в войне, несправедливо будет оставить без внимания и такой факт из биографии ветерана.

Рассматривая награды Малаевой, обратила внимание на знакомую медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Почему знакомая? Пото-

му что у моего отца тоже была эта награда, и получил он ее, будучи подростком, работал в водоснабжении станции, обеспечивал водой паровозы, которые шли на фронт, а с фронта везли раненых. Отец имел бронь. Не скрою, удивилась. Когда она смогла ее заработать, если в восемнадцать лет ушла на фронт? Вернулась с фронта в ноябре 1945 года. Да и не припомню, чтобы у участников войны когда-либо видела эту награду.

Оказывается, Надежда Семеновна работала ее, будучи подростком, работая с 1941 года в госпитале прачкой. «Раненых в начале войны было много, приходилось стирать — и постельное, одежду, перевязочные материалы. У нас была норма — сорок штук. Независимо, что это было. Или пододеяльники, или гимнастерки, или носовые платки. Стирали, конечно, вручную, на доске, с мылом».

«Героических подвигов я на войне не совершала — делала свою работу добросовестно, как все, иначе бы не победили», — говорит мне ветеран. Поскромничала Надежда Семеновна. Будучи все время на передовой, в гуще боев, сражений и атак, не думая о своей жизни, спасала раненых на поле боя. Не за красивые глаза дали Малаевой медаль «За отвагу» и еще с добрый десяток боевых наград. Конечно, самой большой наградой для ветерана была наша Победа и то, что молодая, хрупкая девушка осталась живой, пройдя путь, который порой не под силу даже видавшим виды воякам — крепким рослым мужикам. Надежда Семеновна после войны получила образование, работала дежурным по станции. Вышла замуж, воспитала сына, сейчас у нее растут правнуки.

И сейчас, несмотря на возраст, Малаева стирает все руками, не признает никаких машинок. В доме всегда чистота, порядок. У нее много друзей, которые всегда рады видеть ее, а она ждет гостей, угощая их вкусным чаем с домашним вареньем. Когда они уходят, обязательно предложит им огурчиков собственного соления и чего-нибудь вкусенького, которое всегда хранит для такого случая.

Жизнь продолжается. На освобожденной земле рождаются дети, цветут сады, колосятся поля. И это благодаря скромной

женщине, воину-победителю Надежде Семеновне Малаевой, чей подвиг останется в памяти на века у благодарных потомков.

2015 год.

Н.П. Артемова

«ПОМНИ ПАПУ ПО ПИСЬМАМ, ЛИЗА...»

Эти слова — из письма младшего лейтенанта Богатырёва Василия Моисеевича, которое он отправил с фронта своей дочке Лизе. О ста пятидесяти письмах лейтенанта Богатырёва, написанных им к дочери до своей гибели, я узнала в Коношском музее в день открытия комнаты Боевой Славы земляков. И накануне великого праздника Победы не могла не встретиться с дочерью погибшего Богатырёва — Лизой. Елизавета Васильевна Булдакова душевно приняла меня и поведала историю, которая, думаю, способна потрясти каждого.

«Папа ушёл на фронт, когда мне было три года, — рассказывала она. — Конечно, я его не помнила. Отец уже год как был на фронте, и в перерывах между боями писал маме и мне письма. Те письма читала мама, она бережно хранила их, завязав красной ленточкой. Потом, когда я стала старше, уже сама читала их, и они всегда были со мной. Письма отца были частью моей жизни».

То письмо, где отец поздравляет её с днём рождения и с Новым годом, она помнит наизусть. День рождения как раз приходится на 1 января.

«27.12.1943 г.

3 часа ночи.

Добрый день, весёлый час!

Пишу письмо, Лиза, моя дорогая дочка. Не вижу вас, от вас далеко... Все спят, а только я не сплю.

Здравствуй, дорогая и любимая дочка, Елизавета Васильевна.

В день твоего рождения поздравляю Вас с четвёртой годовщиной и с новым наступившим годом! Я желаю тебе, моя дорогая дочка Лиза, самых наилучших благ в 1944 году.

Расти, дорогая Лиза, очень здоровой и крепкой, будь счастливой, будь вежливой,

будь смелой и бодрой всегда. Живи на радость трудящимся нашей славной Родины и на страх врагам.

Хочу увидеть Лизу, пишу и не могу сдерживать слёзы, они ручьём бегут.

Ведь теперь может быть и так, что я совсем тебя не смогу больше увидеть...

Живи, Лиза, честно, слушай маму.

Целую, твой папа».

Это письмо писал мужчина, наверное, уже много раз смотревший смерти в лицо и готовый ко всему. Но он не в силах был сдержать слёзы от страдания, что не сможет увидеть дочь. Химический карандаш расплылся на пожелтевшей бумаге в двух местах — наверняка от тех мужских слёз...

Отцовская нежность, отцовская забота... Письмо — как многие и многие другие солдатские треугольники, приходившие в наши края во все дни войны. Вместе с тем — необычное, ведь адресовано оно четырёхлетнему ребёнку. Это её, дочку-крошку, отец величает в письме по имени-отчеству: Елизавета Васильевна. И таких писем, обращённых к малышке Лизе, не одно и не два, а сто пятьдесят!

В письме от 24 мая 1944 года, написанном на коротеньком клочке бумаги, Василий Богатырёв беспокоится о питании семьи, советует жене и дочери больше есть зелени, лука, чтобы не заболеть цингой. Обращаясь к супруге, он пишет:

«Единственная моя просьба и требование к тебе теперь и в дальнейшем будет: сбереги мне Лизу, чтобы она была здорова и умна. В Лизе и в её жизни мой интерес (далее неразборчиво).

Целую вас с Лизой».

27 июня 1944 года отец пишет в час ночи:

«Лиза, папа живой, о тебе думаю и забочусь, чтобы ты жила лучше. Я нахожусь на защите твоей жизни, чтоб ты в будущем была счастлива, росла и училась упорно, настойчиво. Скоро мы, Лиза, разобьём немецкого фашиста. С победой вернусь домой.

Целую, твой папа».

Домой Василий Моисеевич не вернулся. Парасковья Ивановна так и не вышла больше замуж. Скончалась в 1985 году и до

последнего часа ждала мужа — не верила, что он убит. «И мне ещё будет счастье на пути к победе тебя увидеть и о Лизе узнать» — писал Василий Моисеевич в марте 1943 года. Встретились супруги уже в другом мире...

«Помню, когда я научилась писать, — продолжала рассказ Елизавета Васильевна, — я по просьбе мамы писала письма в разные госпитали, искала отца. Хотя у нас уже лежала дома похоронка, да и писем от отца больше не было...»

Она вспоминает такой случай. Когда в 1943 году отец был призван в армию и находился в учебной части, он сообщил матери о том, что будет в эшелоне, который в такое-то время сделает остановку в Коноше, и он будет её ждать на станции для встречи. Мать позвонила в райком, где до армии отец работал, и там ей сказали, что эшелон уже проследовал через Коношу. В то время добираться из Тавреньги в Коношу было очень непросто, только в одну сторону на дорогу уходил целый день. Потому, получив такое сообщение, не пошла. А когда узнала из письма отца, что состав стоял в Коноше целые сутки, упала без сознания.

Не зная и не увидев отца, дочь после смерти матери хранила все письма у себя и жила по завету отца. Училась, окончила семилетку, как мечтал отец, затем окончила кооперативный техникум и всю жизнь проработала бухгалтером в торговле. В 1964 году вышла замуж. Муж, Клавдий Григорьевич Булдаков, был ей во всём опорой и поддержкой. Родились дочь и сын.

В 2000 году супруг умер, уже десять лет прошло, а не может Елизавета Васильевна смириться с этой утратой.

«Я стала понимать, что такое для меня письма, — говорила о сокровенном Елизавета Васильевна, — когда у самой появились дети».

В 1982 году она с дочерью ездила в Эстонию, в город Нарву, где похоронен отец. Рассказывала: «В мистику и чудеса не верю, но было что-то символическое в таком совпадении: мы прибыли в Нарву как раз в день её освобождения от фашистов. Удалось побывать на месте боёв и гибели отца. Он был убит на хуторе Вайнамыза, похоронен на братском кладбище».

«Добрый день!

Здравствуй, моя желанная, моя любимая, моя дорогая дочка Лиза. Люблю и жалею тебя, Лиза. Очень хочу тебя увидеть. Должно быть, стала уже большая. Но, думаю, Лиза, ты меня ещё не забыла, а папа тебя не забудет. Если мне не удастся вернуться, то по моим письмам и фотографиям будешь помнить своего папу.

Хорошо, Лиза, тебе было бы со мной. Но как судьба будет. Я сумел бы тебя воспитать и научить.

До скорой нашей встречи, крепко целую тебя, Лиза».

Это письмо, сто пятидесятое по счёту и датированное 14 июля 1944 года, оказалось последним, оно написано за десять дней до гибели лейтенанта Богатырёва. Похоронка супруге его, Парасковье Ивановне Богатырёвой, пришла уже накануне победы — 4 апреля 1945 года.

150 писем, адресованных ребёнку, ещё не умеющему читать, побуждают задуматься вот о чём. Видать, в таком страшном пекле находился Василий Богатырёв, где фактически не было шансов уцелеть. Понимая это и сознавая неизбежное, он писал, обращая свои письма к будущему...

Много времени прошло после того последнего боя лейтенанта Богатырёва, и не узнать подробностей, но даже из беглого обзора того периода войны видно, насколько ожесточённые шли бои в районе Нарвы летом сорок четвёртого.

Эстония — это ворота в Восточную Пруссию. По истории знаем, что Пруссия — не просто часть территории Германии, а многовековое гнездо милитаризма, кузница военных кадров. И немцы не забыли, как в первую мировую войну именно в Пруссии русские войска были разгромлены и уничтожены. Не только военная необходимость, а и прусская спесь диктовала гитлеровцам любой ценой не допустить наши армии в Прибалтику. Даже после поражения немецкой армии в Белоруссии гитлеровская Германия сумела собрать столь мощный броневой кулак, что рассчитывала остановить и разбить наступавшие в Прибалтике советские армии. Были брошены в бой отборные войска СС, дивизии с Западного фронта, а также

власовцы и эстонские военные, и полицейские подразделения. Когда наконец наши войска пробилась в Эстонии к Балтийскому морю, в их составе почти не осталось никого из числа тех, кто участвовал в начале наступления. Не тысячи, а сотни тысяч наших бойцов и командиров выбыли из строя в тех немыслимых боях в Прибалтике. В числе погибших – братья Богатырёвы. Оба – отцы семейства, оба погибли в июле 1944 года, в Прибалтике: лейтенант Василий Моисеевич – в Эстонии, рядовой Иван Моисеевич – в Литве. Склоним головы перед их подвигом.

Недавно в семье Елизаветы Васильевны случилась беда – при пожаре сгорело всё имущество и самое ценное для неё – большинство писем. Несколько писем сохранились благодаря тому, что она передала их Коношскому районному музею и музею Тавреньгской средней школы. И я смогла прочесть эти несколько пожелтевших листочков с выцветшими от времени строчками. Но эти строчки стоят целых томов. Вернее, они бесценны, как бесценна жизнь человека. Бесценна любовь. И бесценна смерть, если она во имя жизни и любви.

Растет внучка Лиза. Она знает о прадедушке из рассказов бабушки. Скоро бабушка Лиза передаст юной Лизе письма, и она тоже будет хранить их и сверять по ним свою жизнь. Мечта Василия Моисеевича сбылась. Жизнь продолжается, и он будет жив, пока живет в памяти поколений.

2015 год.

Н.П. Артемова

РУЛЕВОЙ ЕВДОКИЯ С «ПЕВУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА»

В Коноше её знают как замечательную певунью. Сильный, красивого тембра голос невозможно спутать ни с каким другим. В нынешнем году Евдокии Владимировне исполняется 85 лет, но время и недомогания словно не властны над её творческим даром. И мало кто знает, что в годы войны Е.В. Белоусова была отважным матросом и внесла свой вклад в Победу. А песня... Сколько было дорог, самых неожиданных поворотов, различных этапов в её большой судьбе, и

Евдокия Владимировна

через все эти вехи она пронесла по жизни песню...

Родилась Евдокия Владимировна в Оренбургской области, в большом родовом гнезде – в каменном двухэтажном доме проживало 40 человек: семья отца, его четыре брата с семьями, прадедушка... В общем, несколько поколений под одной крышей.

В 1930 году всю эту семью репрессировали, хозяйство разорили, людей разбросали по свету. Евдокии было в ту пору около пяти лет, но помнит, как выселяли, забирали имущество. Когда выносили вещи, упало мамино шерстяное бирюзовое платье. Дуся быстренько его схватила, положила на табуретку и села на него. Так и сохранила, потом замуж в нём вышла. Помнит и то, как вывозили в теплушке в Котласский район. Родовое гнездо разбросали во все стороны. Как потом удалось выяснить, десять человек отправили на Север, десять в Караганду, десять – на Украину, а про остальных ничего не известно. Родители Евдокии с бабушкой и тремя детьми оказались в Котласском районе, в Макарихе, в сарае.

Бедствия на этом не закончились. Родителей определили в разные спецпосёлки. В том же году погиб на сплаве отец, умер один из троих детей. Сестры жили с бабушкой, а когда она скончалась, Дуся сбежала к матери. А ещё через несколько лет, не переживя смерти мужа и лишений, умерла мать. Сёстры остались круглыми сиротами.

Марию взяли в детдом, а Дуся пошла в люди по неделе жила у разных хозяев и на них работала, была и нянькой, и домработницей, и стряпухой... Всему научилась.

Учёбу не бросала и в 1941 году с отличием окончила семилетку. Не успела порадоваться этому — война... Средств к существованию никаких. Ещё в детстве юная казачка ни в чём не уступала мальчишкам, они принимали её как равную, к тому же рослая была и казалась старше своих лет. Когда соседский парнишка предложил вместе поехать на курсы рулевых по управлению буксирным катером, поехала без колебаний.

Хотя было ей 15 лет, но на курсы приняли без проблем сразу было видно, что бойкая, не из робких и школу жизни имеет. Курсы один месяц, на гособеспечении, а как сироте — дополнительное питание.

После курсов самостоятельное плавание по реке и по жизни. Работала рулевым катера на Вычегде. Катер без усталости таскал на буксире лес за 30 км, где из брёвен формировали плоты. Кто бывал на сплаве, знает: с немалыми трудностями и опасностями сопряжена эта страда. Плотогонам не легче. На буксире бывали происшествия из ряда вон. Однажды на реке разыгралась такая буря, что катер, как щепку, выбросило на берег.

Евдокия Владимировна, вспоминая тот эпизод, снова переживала все его перипетии: «Я не растерялась, замотала буксирный трос на кнехты (на причале). А когда непогода улеглась, катер увезли на ремонт. Пока две недели шёл ремонт, я красила рубку, кубрик, машинное отделение. Начальник меня всё дочкой называл, а тут прибыл гроза грозой, наказывать нас хотел. А как увидел катер он как новенький, весь блестит свежей краской — так сразу сменил гнев на милость, даже рад был такой оказии: катер-то давно бы подремонтировать не мешало...».

Семь навигаций, с весны до заморозков, проплавала Евдокия на том катере за старшего в судовой команде. Вся команда такие же девчонки, почти дети на первых порах. Но годы идут, и к концу войны уже невестами стали.

«У молодых девушек досуг должен быть. Как отдыхали? Как познакомились с молодыми людьми?» — спрашиваю собеседницу.

«Никак не отдыхали, — ответила она без раздумий... Работали. Только работали. Знакомиться-то с кем? Все мужчины на войне. Без счёта их уходило. Вернулись немногие, и те изувеченные...».

В 1946 году как раз за такого вот изувеченного и вышла замуж. Где жила на квартире, там и судьбу свою нашла — к хозяйке вернулся сын Сергей, инвалид войны, приглянулись Сергей и Евдокия друг другу и стали мужем и женой.

Грудь мужа украшали боевые награды. После войны и грудь Евдокии украсила заслуженная правительственная награда медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Сергей раньше срока ушёл из жизни. Казалось бы, моряк, значит, на корабле больше шансов уцелеть, чем на передовой. Но получилось по-другому. Корабль был подбит, и команда в составе морской пехоты отбыла в самое пекло под Сталинград. Тот ад был страшен не только яростными боями, где ни одна из сторон не хотела уступать, но и неразберихой. Их батальон завели в балку, а утром вместо своих командиров бойцы увидели вокруг балки фрицев — оказались в плену. Немцев Сергей называл фрицами, как принято было на фронте: они нас называли иванами, а мы их фрицами. Сначала Сергея спас переводчик: видя его тельняшку, предупредил, что фрицы матросов в плен не берут, пристреливают. Памятен им был Севастополь, о который они обломали зубы. Потом, когда Сергей с другом ночью бежали из той балки, шальная пуля попала в друга. Пока Сергей тащил его на себе, снова друг принял на себя пулю. Добрался до штаба, там спрашивают: «А где батальон?». «Батальон весь тут — я да убитый товарищ», — ответил. А однажды прибыло на передовую пополнение необученные юнцы 1925 года рождения Семнадцатилетние, совсем еще дети. Если бомбёжка или обстрел, как закричат: «Мама!», — волосы дыбом становятся. Так и пропали все ни за понюшку табаку...

На Курской дуге был такой случай. На нейтральной полосе остался наш танк с перебитой гусеницей. Танкисты трусили и бросили свой танк с полным боекомплексом. фрицы могли расстрелять его в упор,

но, видимо, хотели захватить и увести в качестве трофея. Прибыл командир той танковой части, сообщил, что танкистов будут судить, расстреляют, и спросил: «Есть такой смельчак, кто отправится на нейтральную полосу, «обует» танк и пригонит в часть?». Вызвался Сергей. Ему придали курсанта из военного училища, но Сергей отправил его дожидаться в кустах и ночью пополз один. Восстановил гусеницу, влез в танк, завёл двигатель. Фрицы спохватились, открыли суматошную стрельбу, в том числе из орудий, но в темноте бесприцельную, а пули броне не страшны. И Сергей благополучно доставил танк в часть, по пути прихватив курсанта. За этот подвиг курсанту присвоили звание Героя, а Сергею дали орден Красной Звезды.

В Польше снова было такое, когда волосы поднялись дыбом. Был освобожден Освенцим — огромная «фабрика смерти». Многие узники концлагеря не могли держаться на ногах и на плац выползали. В стороне стоял большой барак, и солдаты увидели, как там в дырочку просунулась и машет им детская ручка. Барак открыли, а там полно детей. Фрицы их кормили хорошо, потому что этих детей держали для госпиталя — когда требовалась кровь, они брали ребёнка и выкачивали из него всю кровь до капли. Сергей прошёл на танке от Сталинграда до Берлина, расписался на рейхстаге..

Оба сына стали моряками. Юрий подводник, затем работал строителем. Владимир работал на катере капитаном, инженером на берегу, уже ушёл из жизни, но остались внуки и правнук...

После войны новый поворот на реке жизни Евдокии Владимировны. Девичью команду на катере сменили мужчины — не женская эта работа. Сергей трудился токарем, а молодая жена стала библиотекарем и заведующей клубом. Никого не удивила такая перемена в её трудовой биографии. «Певучий голландец» — так в шутку называли её катер в прежние годы, по аналогии с легендарным «летучим голландцем». Где рулевой Евдокия — там по всей реке разносилась её песня. На реке говорить вполголоса невозможно, только в полный голос. И за годы речной службы она так развила свой и без

того от природы сильный голос, что не хуже гудка издали оповещала всех о приближении катера... С послевоенного времени не расставалась с песней и со сценой.

При ней в клубе закипела жизнь. К ней тянулось население всех возрастов, и для всех находилось любимое занятие. Была и директором пионерского лагеря. Детишки в ней души не чаяли, называли мамой. Много занималась общественной работой и везде вкладывала всю душу. К военной медали труженика тыла прибавилась медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», были и другие награды, множество почётных грамот и благодарностей...

Когда осталась одна, хотела вернуться на родину, в оренбургские степи. Но судьба снова сделала неожиданный поворот. На семинаре культработников в Архангельске познакомилась с А.Г. Нефёдовым, в 1985 году зарегистрировала брак с ним и стала коношанкой. И снова она на сцене. Наибольшую популярность Евдокия Владимировна получила как участница районных и областных фестивалей «Крылья души», каждая поездка в Архангельск на областной фестиваль — это триумф коношанки Белусовой, неизменная победа в песенных номинациях. Послушайте её песни, и вам нетрудно будет представить, как она завораживала слушателей удивительным голосом в свои лучшие годы, да и не столь давно, ещё лет 10-20 назад была примой вокального жанра. «Золотой голос» Коноши, так её прозвали в народе

Андрей Григорьевич Нефёдов — особая страница в истории культуры района. О нём, как о директоре Волошского Дома культуры, не раз писала районная газета, его имя названо в двухтомнике «Край мой коношский». Переехав в Коношу, работал в различных организациях. Запомнилось: в руке палочка, на груди наградные колодки, на лице неизменная улыбка. В День Победы обязательно на площади, при всех орденах и медалях. Увы, жизнь имеет не только парадную сторону. В последние свои годы он запомнился как беспомощный, парализованный человек. Но ветеран войны не ушёл из жизни всеми забытый. Евдокия Владимировна все трудные 90-е годы во время

долгой и тяжёлой болезни мужа была рядом, ухаживала за неподвижным инвалидом до последнего его часа, хотя самой было нелегко в её возрасте. Этот её женский подвиг тоже страница в общей летописи народного подвига.

2010 год.

Н.П. Артемова

ФРОНТОВИК, ОХОТНИК, ДРУГ

Взяла в руки книгу Сергея Конины «Самый добрый в мире род – Валья». Валья – не родина моих предков, мои родители с Вохтомы.

Впрочем, это была когда-то одна волость. В общем, считала, что книга о Валье будет для меня интересна просто как возможность лучше познать Коношский край. Но, открыла книгу, и сердце мое замерло.

Первое, что увидела, – до боли родная фигура. Сапоги, фуфайка, знакомый с детства рюкзак. Это был мой отец – Петр Ми-

хайлович Козицын. Снимок сделан со спины, он идет в лесу, по замерзшей реке, возможно, к охотничьей избушке. А я смотрю на его удаляющуюся фигуру и чувствую, что он уходит куда-то далеко-далеко... Впервые эту фотографию увидела только теперь, а отца уже больше двадцати лет нет с нами...

Собралась оформить семейный альбом, фотографий за жизнь накопилось немало. Начинала с фотографий родителей, родного дома, потом свадьба, рождение сына, и так по хронологии семейных событий. «Чтобы жизнь повторилась сначала, загляните в семейный альбом», – поётся в песне. Гляжу на фотографии, и передо мной проходят детство, юность. Все основные события в жизни запечатлены на фото. Если говорить о семейном архиве нашей семьи Козицыных, то там найдешь действительно уникальные фотографии. Вот мой дом постройки 1896 года, ровесник Коноши.

Вот отец с аэросанями, сделанными им в конце 1960-х годов, а вот он с автомобилем, над которым трудился без малого пять лет, и

Георгий Дмитриевич Тихонов на встрече со школьниками.

всё сделал своими руками. Перед глазами — фотохроника нашей семьи и нашего времени, начиная с 50-х годов до начала 90-х минувшего столетия.

Сегодня, рассматривая пожелтевшие фотографии, вспоминаю автора, без преувеличения, раритетных шедевров, большого друга моего отца и друга нашей семьи — Георгия Дмитриевича Тихонова.

Считаю своим долгом сказать об этом удивительном, увлеченном человеке накануне праздника Великой Победы. Вспоминаю его фронтовые рассказы.

Вот он в армии. Винтовка чуть ли не вдвое выше бойца, а катушка с телефонным проводом на спине своей тяжестью то и дело опрокидывала навзничь. Но уже вскоре в боях и походах северянин из Коноши окреп и был равным с однополчанами в солдатском труде. А отваги Тихонову было не занимать, недаром его грудь украшали две почётные солдатские медали «За отвагу». Связист-артиллерист, он и разведчиком был, и в атаку ходил. Дважды ранен. Не однажды спасала от гибели смекалка и удача. Удача — это, например, вовремя пригнулся, и осколок снаряда не задел голову, впился в радиотелефонный приёмник. Конечно, выручали и навыки охотника, ходить в лес с ружьём приохотился ещё в школьную пору.

В конце войны Георгий Тихонов входил в моторизованную мобильную группу наших войск. Группа стремительно продвигалась вдоль Балтийского моря, через Польшу и по Германии, по тылам гитлеровских войск, опережая фронт и отступавшие немецкие части. Сходу прошли Освенцим, где были спасены от уничтожения тысячи узников со всех стран Европы, а наших соотечественников к приходу советских войск уцелело в той «фабрике смерти» всего 96 человек.

Орёл, Калинин, Орша, Витебск, Белорусская операция, Наревский плацдарм, Восточная Пруссия, Кенигсберг, Одер, Майна, мимо Берлина на Эльбу, где и встретил Победу — таков боевой путь солдата Тихонова. После войны он ещё несколько лет служил в Германии.

Однажды у меня состоялся разговор с Георгием Дмитриевичем о пребывании его

в Германии в последние дни войны. Зашел разговор и о трофеях. Мне было известно, что с разрешения спецкомендатуры и оформления надлежащих бумаг можно было вывезти какое-то имущество. Поинтересовалась у ветерана: привёз ли домой что-нибудь? По рассказам фронтовиков, бесхозное имущество валялось буквально под ногами — костюмы, часы, обувь, посуда, приборы, всевозможные инструменты. Он рассказал такой эпизод. «Наш небольшой отряд из числа связистов и артиллеристов с батареей орудий — впереди рейдовой мобильной группы, как разведка. По рации то и дело докладываем: путь свободен.

Вечером 4 мая наткнулись на замок какого-то барона в лесу. Если бы немцы успели организовать оборону, мы просто обошли бы этот замок, чтобы не задерживаться в пути. Но за счёт внезапности захватили его почти без боя. Чуть не захватили в плен хозяина замка, он едва успел сбежать, бросив легковую машину с генеральским мундиром и знаменем части.

До летнего тепла ещё далеко, не ночевать же в лесу под открытым небом. Расположились на отдых в том замке. И чего только в нём не было. Картины на стенах, рыцарские доспехи, мечи, дорогие вещи. Одного столового серебра — целые ящики. Но наших бойцов вся эта роскошь и фамильные ценности не интересовали. Зато некоторых заинтересовали подвалы с марочными винами, после «дегустации» они уже лыка не вязали.

А меня, как охотника, заинтересовало охотничье ружьё. Бельгийское и до чего красивое, с инкрустацией и гравировкой. Вот бы мне такое ружьё, война-то вот-вот кончится.

Мирное настроение продолжалось недолго, рано утром к замку подошла какая-то эсэсовская часть. Может, сбежавший барон привёл солдат с зенитной пушкой, чтобы вернуть замок и знамя. Мы заняли оборону. Наши пушки ведут огонь, но стреляют больше наугад, наступавших не видно в лесу — утренний туман не рассеялся, и цепи противника продвигаются ползком».

Друзья-однополчане. 1945 год

Я — командир отделения связи, пытаюсь выйти на связь с нашей бригадой. Но рация

не работает. Новая, американская. И антенну поднимали повыше, и батарейки проверяли, всё без толку.

Оставил связистов при рации, а сам с бойцами поднялся на верхние этажи. Двери верхних этажей под замком, мы замки взрывали гранатой. Выбили прикладами стёкла в окнах, ведём огонь из автоматов. Немцы всё ближе подбираются, их зенитка не даёт поднять головы. Мы все на виду, если помощь не подоспеет, немцы даже из винтовок могут перебить нашу горстку десантников. Немецкий снайпер убил нашего пулемётчика и меня взял на мушку. Но я тоже неплохой стрелок, в Архангельске в учебном полку меня ставили в пример. Мы оба прицелились. Я остался невредим, значит, моя пуля была первой.

Мы уже многих эсэсовцев уложили, но враги упорно продвигались к замку, словно мы у них как кость поперёк горла. И в самый критический момент боя подоспели два наших танка «ИС» (Иосиф Сталин), новой модели, с обтекаемыми башнями.

Видать, матёрые вояки шли против нас. Видел убитого немца без кисти руки, вместо кисти — крючок, чтобы мог из автомата стрелять. Их зенитчики даже наших тяжёлых танков не уstraшили, но снаряды малокалиберной зенитки отскакивали от

«ИС» как головёшки, только искры сыпались. Танки быстро разделались с зениткой.

Замок горел, и я взял ружье, пожалел, что оно будет уничтожено в пожаре. Для меня только оно представляло ценность. Мы похоронили наших убитых, перевязали и погрузили в машину раненых. Сложили в машину и трофейное оружие, туда же я положил охотничье ружьё и уже не расставался с ним. После оформления документов и окончания службы в армии вывез его домой, и оно не раз пригождалось мне на охоте.

Добавлю к его рассказу, что охотник Тихонов был заядлый, много лет составлял компанию моему отцу, у которого тоже было отличное бельгийское нарезное ружье с золотой инкрустацией.

После возвращения домой Георгий Дмитриевич работал токарем в Коношском вагонном депо, производственный стаж — 34 года. Когда по возрасту и болезням не смог ходить по лесу сутками, стал заядлым автоводителем. И продолжал быть заядлым фотографом, к фотоделу он тоже приохотился ещё до войны. У многих коношан хранятся его фотографии. Скончался в 2010 году в глубоком возрасте.

2015 год.